

Научная статья

УДК 343.2

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.137-158

Сущность и значение неоднократности в уголовном праве России

Александр Владимирович Бриллиантов

*Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация*

brilliantov-07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6186-1491>

Аннотация

Введение. В статье с позиций критического анализа действующего уголовного законодательства России, а также доктрины уголовного права и криминологии рассматривается вопрос о сущности и значении института неоднократности в уголовном праве России.

Теоретические основы. Методы. Исследование осуществлялось с учетом направлений уголовной политики России, конституционного анализа нормативных правовых предписаний об ответственности за совершение преступлений. Использование формально-логического метода исследования позволило выявить сущность, виды неоднократности в уголовном праве, установить закономерности ее реализации в уголовном законодательстве.

Результаты исследования. В ходе исследования обращается внимание на то, что формирование понятия «неоднократность» в условиях развития социологической школы уголовного права предполагало отнесение к этому институту прежде всего ситуаций совершения нескольких именно преступных деяний, имея в виду объективную опасность для общества множественности преступлений и лиц, их совершающих (к примеру, рецидивисты и профессиональные преступники).

Вместе с тем не только множественность преступлений представляет опасность для общества и государства, но и совершение иных противоправных деяний, которые при их повторении в ряде случаев могут приобрести качественно иной характер и достигнуть уровня преступного деяния. На этой позиции основан действующий институт неоднократности и, в частности, институт административной преюдиции.

В этой связи в представленной работе исследуются сущность, виды, значение неоднократности в ее существующем виде в уголовном праве России.

Проблемы неоднократности рассматриваются также в аспекте соотношения данного института с теорией опасного состояния личности, принципом запрета наказуемости дважды за одно и то же деяние.

Обсуждение и заключение. Обозначенные аспекты темы обусловили необходимость обращения не только к работам по теории уголовного права, но и соответствующим положениям философии, логики.

В итоге сделан вывод о выделении такого вида множественности, как неоднократность правонарушений, определены виды этой множественности и обосновано ее значение для криминализации и декриминализации преступлений.

Ключевые слова: неоднократность, множественность, административная преюдиция, преступление, правонарушение, опасное состояние личности

Для цитирования: Бриллиантов А. В. Сущность и значение неоднократности в уголовном праве России // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 2. С. 137–158. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.137-158.

Original article

The Essence and Meaning of Repetition in the Criminal Law of Russia

Alexander V. Brilliantov

*Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
brilliantov-07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6186-1491>*

Abstract

Introduction. From the standpoint of a critical analysis of the current criminal legislation of Russia, as well as the doctrine of criminal law and criminology, the article examines the essence and significance of the institution of repetition in the criminal law of Russia.

Theoretical Basis. Methods. The research was carried out taking into account the directions of criminal policy in Russia, the constitutional analysis of normative legal provisions on responsibility for committing crimes.

The use of the formal-logical research method made it possible to identify the essence and types of repetition in criminal law, and to establish the patterns of its implementation in criminal law.

Results. In the course of the study, attention is drawn to the fact that the formation of the concept of “repeatedness”, in the context of the development of the sociological school of criminal law, implied the attribution to this institution, first of all, of situations of committing several criminal acts, bearing in mind the objective danger to society of the multiplicity of crimes and persons who commit them (for example, recidivists and professional criminals).

At the same time, not only the multiplicity of crimes poses a danger to society and the State, but also the commission of other unlawful acts, which, if repeated, in some cases can acquire a qualitatively different character and reach the level of a criminal act. This position is the basis of the current institution of repetition and, in particular, the institution of administrative prejudice.

In this regard, the presented work examines the essence, types, and meaning of repetition in its existing version in the criminal law of Russia.

Discussion and Conclusion. The problems of repetition are also considered in the aspect of the correlation of this institution with the theory of the dangerous state of the

individual, the principle of the prohibition of punishment twice for the same act. The indicated aspects of the topic necessitated the appeal not only to works on the theory of criminal law, but also to the relevant issues of philosophy and logic. As a result, the author concludes that such a type of multiplicity as the repetition of offenses is singled out, the types of this multiplicity are determined and its importance for the criminalization and decriminalization of crimes is substantiated.

Keywords: repetition, multiplicity, administrative prejudice, crime, offense, dangerous state of personality

For citation: Brilliantov, A. V., 2024. The essence and significance of repetition in the criminal law of Russia. *Pravosudie/Justice*, 6(2), pp. 137–158. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.137-158.

Введение

Институт неоднократности в уголовном праве еще не в должной мере разработан в российской уголовно-правовой науке, тем не менее он достаточно активно используется в уголовном законодательстве, правоприменительной практике, реализуется в практике разработки мер противодействия преступности. Институт неоднократности существенным образом влияет на процессы криминализации и декриминализации деяний, корректирует границы понятия преступления, вводит дополнительные криминообразующие факторы в составы преступлений.

Назначение института неоднократности в уголовном праве видится достаточно гуманным и важным: с одной стороны, это предупредительный аспект, при котором деяние становится преступным не сразу, а только после совершения виновным определенных противоправных действий, с другой стороны, это ослабление уголовной репрессии путем включения в действующие составы преступлений дополнительных криминообразующих условий. Подобная практика в некотором отношении позволяет минимизировать масштабы применения уголовной репрессии и добиваться целей обеспечения защиты государственных и общественных интересов без широкого применения уголовного закона, при условии предикатности.

В то же время следует признать, что применительно к институту неоднократности еще не создана надежная теоретическая платформа, позволяющая в полной мере реализовать его имеющийся потенциал.

Кроме того, со стороны довольно значительной группы криминалистов отдельные варианты института неоднократности (административная преюдиция) подвергаются критике в связи с тем, что, по мнению представителей этой группы, неоднократность в указанном варианте близка к теории опасного состояния личности и противоречит принципу «не дважды за одно и то же».

В таких условиях анализ уголовного законодательства, понятий «правонарушение» и «преступление», установление их соотношения и взаимодействия, критериев перехода количества в иное качество представляют весьма актуальную исследовательскую задачу, значимую для решения важной социально-правовой и конституционной проблемы.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу исследования составили российские научные работы в области уголовного права и криминологии, посвященные вопросам множественности преступлений, ее видов, проблемам административной преюдиции, теории опасного состояния личности и наказуемости деяний.

Исследование осуществлялось с учетом направлений уголовной политики России, конституционного анализа нормативных правовых предписаний об ответственности за совершение преступлений.

Использование формально-логического метода исследования позволило выявить сущность, виды неоднократности в уголовном праве, установить закономерности ее реализации в уголовном законодательстве.

Результаты исследования

Российскому уголовному законодательству издавна известен институт множественности преступлений. В настоящее время содержание этого института составляют совокупность преступлений и рецидив преступлений. И в том и в другом случае сущность указанных видов множественности преступлений составляет совершение лицом нескольких преступлений в том или ином сочетании применительно к категории преступления и судимости.

Итак, *множественность преступлений* – это совершение нескольких самостоятельных преступных посягательств, каждое из которых образует отдельный состав преступления.

Вместе с тем уголовному праву и уголовному закону известен и иной вид множественности: его сущность заключается в совершении ряда противоправных, но не преступных деяний, образующих в совокупности единое сложное преступление.

Исходя из содержания закона, среди такой множественности противоправных деяний можно выделить два вида. Первый не имеет собственного законодательного названия. Это преступление с административной преюдицией. Второй законодательно определен – это неоднократность. Однако по сути и тот и другой вариант является неоднократностью, но не неоднократностью преступлений, а неоднократностью правонарушений, не являющихся преступлениями.

Институт административной преюдиции достаточно широко освещался в юридической литературе. Институту неоднократности внимания уделялось меньше.

В связи с этим в настоящей работе и рассматривается институт неоднократности, разработка которого имеет важное теоретическое и практическое значение.

Термин «неоднократность» используется законодателем в 12 статьях Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (УК РФ), но отсутствует в институте множественности. И данное положение является обоснованным, не-

¹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

смотря на то что по существу понятие «неоднократность», так же как и понятие «множественность», означает наличие не одного, а нескольких (минимум двух) противоправных поведенческих актов (деяний).

Невключение неоднократности в институт множественности преступлений (глава 3 УК РФ) основывается на том факте, что институт множественности включает в себя виды множественности именно преступлений. Неоднократность же предполагает наличие нескольких противоправных, но не преступных деяний. И только их сочетание приводит к качественному изменению общего совокупного продукта противоправного поведения, преобразуя его в самый опасный вид такого поведения – в преступление.

В уголовном законе Российской Федерации неоднократность может выступать в нескольких формах (видах).

Прежде всего неоднократность используется законодателем в качестве составообразующего признака, при котором состав преступления будет иметь место без всяких дополнительных условий, а лишь в силу повторения противоправного поведения. Так, состав преступления, предусмотренный ст. 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)», будет иметь место при совершенных неоднократно незаконных действиях по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи.

Второй вид неоднократности – неоднократность, образующаяся не простым повторением противоправного, но не преступного деяния, а его повторением при условии применения административного наказания за первое правонарушение.

Именно по такому принципу создан, к примеру, состав розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ), где розничной продажей несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенной лицом неоднократно, признается розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

И здесь следует обратить внимание еще на один фактор, характеризующий неоднократность. Необходимую для состава преступления совокупность правонарушений может образовывать совокупность аналогичных деяний, как в приведенном выше составе, или совокупность идентичных деяний. Примером последнего может служить понятие неоднократности, использованное в ст. 180 УК РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)». В этой статье наличие указанного состава преступления признается при неоднократном совершении незаконного использования чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, т. е. совершении одинаковых, идентичных действий.

Еще одним вариантом использования признака неоднократности является указание на это свойство не только по отношению к количеству дея-

ний, образующих в совокупности преступление, но и при определении какого-либо составообразующего признака преступления. Так, уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст. 193 УК РФ) как один из вариантов будет иметь место, если неоднократное неисполнение обязанностей по репатриации в течение одного года привело к тому, что сумма незачисленных или невозвращенных денежных средств превысила сто миллионов рублей (крупный размер) или сто пятьдесят миллионов рублей (особо крупный размер).

Определенные особенности требований закона имеются и по отношению к ситуациям, когда неоднократность образует совершение нового правонарушения при условии, что лицо, его совершившее, было подвергнуто административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Эта особенность заключается в том, что административное наказание должно быть назначено не в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию (общее правило), а более двух раз в течение ста восьмидесяти дней (примечание к ст. 212.1 УК РФ) или если лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года (примечание к ст. 314.1 УК РФ).

Варианты неоднократности исследовались в правовой литературе. Так, Е. А. Таюрская и С. В. Габеев полагают, что «термин “неоднократность” законодателем воспринимается в двух основных значениях:

- как признак объективной стороны преступления, свидетельствующий о количестве раз совершенного общественно опасного деяния (ст. 154, 180 УК РФ);

- как административная преюдиция, которая предполагает, что основанием уголовной ответственности за конкретный состав преступления является факт привлечения лица к административной ответственности за ранее совершенное правонарушение (ст. 151.1, 212.1, 215.4, 314.1 УК РФ)» [Таюрская, Е. А., Габеев, С. В., 2016, с. 7].

На наш взгляд, варианты образования неоднократности более широки, несмотря на то что все они в сущности относятся к объективной стороне составов преступлений при условии совершения нового деяния, обладающего определенными законодателем признаками и (или) совершенного при определенных обстоятельствах.

Исходя из этого, мы выделили бы следующие варианты неоднократности:

- 1) неоднократность, образуемую совершением нового аналогичного противоправного деяния при отсутствии условия применения административного наказания;

- 2) неоднократность, образуемую совершением нового аналогичного административного правонарушения, если лицо было подвергнуто административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию;

3) неоднократность, образуемую совершением нового деяния при условии, что лицо подвергалось административному наказанию за совершение конкретных видов деяний, указанных в законе, в количестве и в сроки, установленные законом;

4) неоднократность, образуемую совершением ряда деяний (действия или бездействия), результатом которых является достижение определенного, установленного законом в финансовом выражении объема незаконных операций в течение определенного периода времени.

Однако, несмотря на существенные различия вариантов неоднократности (по условиям ее образования), сущность рассматриваемого вида множественности, на наш взгляд, является единой и заключается в качественном перерастании противоправных, но не преступных деяний в деяние, достигшее уровня преступления. При этом законодатель, как показано выше, использует самые разнообразные факторы, обуславливающие указанное перерастание: повторное совершение, применение административного наказания, размер упущенной выгоды и др.

В связи с этим закономерно возникает вопрос: а какие же факторы позволяют разграничить преступление и иное правонарушение?

Можно утверждать, что в теории уголовного права и правоприменительной деятельности общепризнанным является подход, при котором отличие преступления и иного правонарушения заключается в степени общественной опасности.

Общественная опасность присуща всем правонарушениям, но не все они являются преступлениями. Следовательно, *основное отличие* преступления от иного правонарушения заключается именно *в степени общественной опасности деяния*.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, «в правовой системе России преступлению – в отличие от иных правонарушений – должна быть присуща криминальная общественная опасность»².

В этой связи следует (хотя бы кратко в рамках настоящей статьи) обратиться к вопросу о содержании общественной опасности и попытаться установить, в чем она заключается, что повышает ее степень. Обращение к этой проблеме необходимо потому, что подход к ее решению явится основой ответа на вопрос о перерастании неоднократности правонарушений в качественно иное состояние – в преступление.

Если говорить об общественной опасности преступления, то в целом она выражается во вредоносности преступного деяния, а соответствующая степень опасности присуща преступлению изначально.

Это отмечается многими авторами, исследующими проблему содержания общественной опасности и полагающими, что эта общественная опас-

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

ность заключается именно в таком свойстве преступления, как его вредоносность.

Еще в XIX в. Ч. Беккария отмечал: «Мерой преступлений служит вред для общества. Это одна из тех очевидных истин, для понимания которых не нужно было ожидать ни изобретения квадрантов, ни телескопов; она доступна здравому смыслу каждого, но по какому-то странному стечению обстоятельств ясно осознавалась только немногими мыслителями» [Беккария, Ч., 1889, с. 97].

Вредоносность же в итоге выражается в причинении (возможности причинения) вреда. Данная позиция находила свое отражение и в работах известных криминалистов досоветского и советского периодов. Так, в работах Н. С. Таганцева нашла закрепление мысль о том, что «преступным почитается деяние, посягающее на юридическую норму в ее реальном бытии; или, выдвигая более содержание посягательства: деяние, посягающее на охраненный нормою интерес жизни» [Таганцев, Н. С., 1902, с. 51]. Несколько перефразируя эту позицию, можно признать, что общественная опасность деяния заключается в посягательстве на жизненно важные интересы человека, общества, государства. Практически этой же позиции придерживался и другой видный ученый-криминалист – Н. Д. Дурманов, считающий, что преступление представляет собой «вредоносное посягательство на жизненные условия общества» [Дурманов, Н. Д., 1948, с. 88], подчеркивая тем самым его основной признак – причинение вреда.

Это же свойство общественной опасности, выражающееся в причинении вреда, отмечается и современными авторами и является доминирующим в доктрине уголовного права [Крылова, Н. Е., 1996, с. 33; Наумов, А. В., 1997, с. 118; Кузнецова, Н. Ф., Тяжкова, И. М., ред., 2002, с. 137; Кузнецова, Н. Ф., Тяжкова, И. М., ред., 2005, с. 92].

Однако, на наш взгляд, свойство общественной опасности не ограничивается только характером и объемом причиняемого вреда. Это свойство является более многогранным.

Вместе с тем не только вред является содержанием общественной опасности. Этот феномен более сложен и включает в себя также и иные составляющие объективного и субъективного характера.

Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 1 Постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 29 ноября 2016 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» разъяснил, что степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости не только от вида, размера, объема причиненного вреда, но и от других обстоятельств, таких как роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, вид умысла (прямой или косвенный) либо вид неосторожности (легкомыслие или небрежность) и другие³.

Таким образом, общественная опасность и ее степень с позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации определяется многими обсто-

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

ательствами, в том числе и обстоятельствами, относящимися не к самому деянию, а к лицу, это деяние совершившему, например, такими обстоятельствами, предусмотренными ст. 61 УК РФ, как несовершеннолетие виновного, беременность, наличие малолетних детей у виновного и т. д.

Как известно, государство ставит под запрет определенные деяния, исходя из наличия в них свойства вредоносности для общественных отношений, благоприятных для общества, государства и личности. Данный запрет сопровождается установлением возможности наступления неблагоприятных последствий для нарушителя, причиняющего или ставящего под угрозу причинения вреда охраняемые законом ценности. Данный метод запрета свойственен не только уголовному, но и административному, финансовому, гражданскому и другим отраслям права.

Исходя из изложенного, можно утверждать, что свойство вредоносности является объективным свойством всех правонарушений. Но тогда возникает потребность их разграничения, определения критериев, на основе которых, например, административное правонарушение отличается от уголовного правонарушения – преступления.

Поскольку в целом ряде случаев с позиции и объективной, и субъективной сторон преступление и иное правонарушение могут совпадать частично или в полном объеме, то единственным верным ответом на поставленный вопрос будет следующий: *отграничение преступления от иного правонарушения может быть осуществлено исключительно на основе степени общественной опасности деяния*. А это, как было показано, является собирательным объективно-субъективным фактором.

Этот вывод подтверждается, например, и тем обстоятельством, что одним из критериев деления преступлений на категории является такой субъективный показатель, как форма вины, что прямо закреплено в ст. 15 УК РФ. В уголовном законе имеются и иные положения, указывающие на то, что степень общественной опасности деяния неразрывно связана с целым рядом факторов, но основными из них являются признаки, так или иначе относящиеся к личности виновного.

К примеру, не признается преступлением общественно опасное деяние, если оно совершено невменяемым (ст. 21 УК РФ), цели и мотивы преступления признаются обстоятельствами, влияющими на степень общественной опасности деяния (ст. 64 УК РФ), и т. п.

На наш взгляд, свойства личности выражаются и в совершенном правонарушении. Оценку опасности последнего нельзя осуществлять в отрыве от некоторых свойств личности, которым законодатель придает правовое значение. Одним из таких факторов является направленность поведения виновного, выражающаяся в неоднократном противоправном поведении.

Еще раз уточним следующее: *неоднократность* по существу представляет собой повторное, при определенных условиях или при отсутствии условий, совершение аналогичного или тождественного неправомерного деяния, следствием чего являются возрастание степени общественной опасности итогового деяния и его трансформация из категории неправомерного в категорию преступления.

За счет же чего осуществляется указанное перерождение? Очевидно, если мы говорим о повторном совершении аналогичного или тождественного деяния, то трансформация деяния в преступление, вероятно, не может иметь места за счет повышения уровня опасности признаков самого деяния (об этом будет сказано ниже). Но тогда мы неизбежно приходим к выводу о повышении степени общественной опасности деяния прежде всего за счет свойств деятеля (личности), хотя нельзя не принимать во внимание и факт нового (итогового) противоправного поведения, совершаемого при иных объективных и субъективных обстоятельствах, чем предыдущее(-ие).

Однако все-таки в первую очередь перерастание правонарушения в его наиболее опасную форму – в преступление – осуществляется, по нашему мнению, за счет личностных свойств правонарушителя, приобретающего иные свойства по сравнению с его же свойствами на этапе первоначально-го нарушения правовых предписаний. Этот тезис, с нашей точки зрения, подтверждается выводами как тех исследователей, которые не признают, что неоднократность совершения деяния может служить основанием повышения степени его общественной опасности, так и тех, кто соотносит указанное повышение со свойствами личности, не со свойствами самого правонарушения.

Обратимся к позициям авторов первой группы. К примеру, В. А. Зуев отмечает, что «административное правонарушение, сколько бы оно ни повторялось, не приобретает сущностных, материальных свойств преступления» [Зуев, В. А., 1995, с. 3]. Д. С. Чикин полагает, что административное правонарушение не повышает степени общественной опасности деяния, а «получает двойную юридическую оценку» [Чикин, Д. С., 2012, с. 17].

Данная позиция поддерживается значительным числом и других авторов [Крюков, В. В., 2017, с. 191; Григорьева, А. В., 2022, с. 22]. В этом отношении крылатым стало выражение Н. Ф. Кузнецовой о том, что из ста кошек не получится одного тигра [Кузнецова, Н. Ф., 1992, с. 82]. На этом основании, а именно том факте, что повторное совершение уголовно ненаказуемого деяния не придает последующему деянию новых качеств, повышающих его общественную опасность, указанные и другие авторы критикуют институт административной преюдиции. Полагаем, что эту критику можно распространить и на все иные варианты неоднократности в ее нынешнем виде, т. е. совершение нового общественно опасного, но уголовно ненаказуемого поступка.

Однако здесь нельзя не вспомнить один из законов диалектики, сформулированный Гегелем, который отмечал, что «определенное количество возвращается к *качеству*, теперь уже определено качественно» [Гегель, Г., 2017, с. 213]. И далее: «Первоначально количество как таковое выступает как нечто противостоящее качеству. Но само количество есть *некоторое* качество, соотносящаяся с собою определенность вообще, отличенная от другой для нее определенности, от качества как такового. Однако оно не только есть *некоторое* качество, а истина самого качества есть количество; качество явило себя переходящим в количество. И обратно: количе-

ство в своей истине есть возвратившаяся в себя самое, небезразличная внешность. Таким образом, оно есть само качество...» [Гегель, Г., 2017, с. 291].

Как известно, законы диалектики действуют не только в материальной, физической, но и в социальной сфере. Поэтому утверждение о том, что количество правонарушений может придать им новое качество – качество преступления, не противоречит социальным законам. Но тогда возникает вопрос: за счет чего, какого фактора правонарушение, не являющееся преступлением, при своем повторении приобретает иное качество?

Думается, ответ на этот вопрос, по крайней мере частично, содержится в концепции сторонников административной преюдиции, которая заключается не в отрицании тезиса о невозможности повышения степени общественной опасности повторного правонарушения до степени опасности преступления, а в переносе катализатора преобразования с повторного деяния на личность правонарушителя.

В связи с этим вполне аргументированна, по-нашему мнению, позиция М. И. Ковалева, согласно которой повторность не может изменить внутреннюю сущность поступка как события объективной действительности и, следовательно, не может изменить и предмет правового регулирования; ученый сделал вывод о том, что повторность является обстоятельством, характеризующим личность преступника, а не его деяния [Ковалев, М. И., 1982, с. 11–12].

Аналогичное мнение высказал и А. З. Рыбак, отмечающий, что «никто не собирается равнозначно подходить к разбою и краже по одному полену всей поленицы, но личность человека-преступника такова, что если в первый раз он похитил полено, то затем, чувствуя свою безнаказанность или “мягкость” наказания, он решит похитить вязанку дров, а затем и всю поленицу, так “из кошки появится саблезубый тигр”» [Рыбак, А. З., 2015, с. 116–117].

Влияние личности на степень общественной опасности деяния подчеркивает и П. Д. Фризен, полагающий, что переход административного правонарушения в уголовное преступление происходит через субъекта, совершившего деяние, т. е. конструкция административной преюдиции предполагает не переход количества совершенных правонарушений в качество, а приобретение нового качества лицом, совершившим правонарушение или уже преступление [Фризен, П. Д., 2004, с. 12–14].

Изложенная позиция о влиянии личности на степень общественной опасности деяния поддерживается другими учеными-криминалистами в том числе и в контексте теории опасного состояния личности [Малков, В. П., 2006, с. 29; Безверхов, А. Г., 2013, с. 11].

Как известно, теория опасного состояния личности не была признана в полной мере российской юридической наукой. Однако не нашла ли она своего отражения в институтах множественности правонарушений: административной преюдиции, повторности, неоднократности?

Теория опасного состояния личности в первоначальном варианте была сформулирована бароном Гарофало [Garofalo, R., 1880]. На протяжении определенного периода времени эта теория развивалась, исследователи пытались глубоко разобраться в природе преступления и преступника. Названная теория имеет как своих противников, так и сторонников. В частности, ван Гамель предлагал выделять из общего числа преступников неисправимых, т. е. тех, кто, живя свободно в наших современных обществах, представляют для них постоянную опасность вследствие своих преступных наклонностей [Van Hamel, 1894]. Последствиями опасного состояния должны были служить системы неопределенных приговоров, связанных с неопределенным заключением различной степени интенсивности [Есипов, В. В., 1893], превентивные меры, применяемые только на основании признания наличия опасного состояния личности до совершения ею возможного преступления.

Безусловно, неопределенные приговоры, а также превентивные меры, призванные нивелировать опасное состояние, не могут и не должны быть последствием признания человека потенциально опасным для общества. Но вот стойкая направленность поведения правонарушителя в совокупности с самим повторяющимся антисоциальным поведением не может быть безразлична государству и обществу в связи с высокой вероятностью совершения лицом новых правонарушений. Вместе с тем нельзя не отметить и тот факт, что в уголовно-правовом аспекте не сама потенциальная опасность лица является основанием реагирования государства, а только опасность в сочетании с новым правонарушением. Именно такой симбиоз свойства повышенной общественной опасности личности и совершения нового правонарушения служит фундаментом более строгих мер государственного реагирования, включая более строгую юридическую ответственность или более строгий ее вид.

Поэтому неоднократность совершения правонарушений при порицании государством и обществом такого поведения и игнорирование винным установленными правилами поведения, мер, применяемых за совершение правонарушений, выступают обстоятельствами, позволяющими говорить о трансформации правонарушений в такой их вид, как преступление.

Противники института преюдиции и вообще противники той позиции, что повторное правонарушение приобретает повышенную общественную опасность, основываются на том, что «понятие преюдиции в уголовном праве противоречит ст. 14 УК РФ, определяющей общественную опасность деяния как неотъемлемый признак преступления, поскольку общественная опасность деяний определяется не их количеством или привлечением к ответственности за одно или несколько деяний, а тяжестью причиненного вреда или совокупностью обстоятельств, свидетельствующих о высокой степени опасности деяния» [Бухалов, В. И., 2020, с. 250].

Однако общественная опасность деяния, как показано выше, состоит не только в причиненном или потенциальном вреде. Как видно из приведенной цитаты, общественная опасность включает в себя и совокупность

иных «обстоятельств, свидетельствующих о высокой степени общественной опасности деяния», и с этим следует согласиться.

На этой же позиции стоит и Конституционный Суд Российской Федерации, отметивший: «Повторное совершение аналогичных или однородных административных правонарушений объективно свидетельствует как о недостаточности примененных средств для результативного противодействия возбраняемому поведению, так и о повышенной общественной опасности содеянного, что вкупе с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий»⁴.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации признает неоднократность фактором, который может влечь за собой качественное изменение деяния, а именно такого его свойства, как общественная опасность.

Но что представляют собой эти обстоятельства, преобразующие иное противоправное деяние в преступление? Постараемся ответить на этот вопрос при рассмотрении еще одной проблемы, связанной с институтом неоднократности.

Дело в том, что в таком варианте неоднократности, как административная преюдиция, правонарушитель уже привлекался к этому виду юридической ответственности и понес соответствующее наказание. Эта ситуация позволяет ставить вопрос о том, не является ли учет первого правонарушения при определении соответствующего состава преступления тем самым повторным учетом деяния, а следовательно, о нарушении принципа «не дважды за одно и то же».

Как известно, указанный принцип закреплен в ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации и сформулирован он следующим образом: «Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление»⁵. Имеет ли этот запрет отношение к рассматриваемой проблеме, проблеме неоднократности правонарушений, по крайней мере к институту административной преюдиции как одному из видов неоднократности?

Этот принцип нашел свое закрепление и в ч. 2 ст. 6 УК РФ, установившей: «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

В пункте 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах также заложен принцип, согласно которому «никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-про-

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля

цессуальным правом каждой страны»⁶. Итак, все приведенные нормативные документы установили запрет двойной ответственности за одно и то же преступление.

Однако неоднократность предполагает установление, если можно так выразиться, одной ответственности за одно, качественно иное, отличное от административного деяние, которое и признается преступлением.

Рассмотрим несколько подробнее ситуацию с двойным учетом, в том числе на основе анализа законодательных определений составов преступлений, где предусмотрена неоднократность в том или ином ее проявлении.

Возьмем для примера два наиболее распространенных варианта конструирования соответствующих уголовно-правовых норм.

В статье 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)» установлена ответственность за незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи, совершенные неоднократно или из корыстных побуждений.

В статье 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость» ответственность установлена за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние.

И в том и в другом случае акцент делается прежде всего не на личности виновного, ее свойствах, а на совершении нового правонарушения. Именно за это новое правонарушение и устанавливается уже не административная, а уголовная ответственность. Следовательно, думается, законодатель при решении данного вопроса исходит из признания нового качества вновь совершенного деяния.

Принцип же «non bis in idem» означает исключение возможности «повторного осуждения и наказания лица за одно и то же преступление, квалификации одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть, а также двойного учета одного и того же обстоятельства (судимости, совершения преступления лицом, ранее совершившим преступление) одновременно при квалификации содеянного и при определении вида и меры ответственности»⁷.

Неоднократность же, как отмечалось выше, предполагает учет не преступлений, а иных правонарушений. Это уже само по себе исключает возможность нарушения рассматриваемого принципа, поскольку ответствен-

---

2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2017 г. № 1541-О. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

ность наступает не за одно и то же деяние, не за одно и то же преступное событие, а за новое деяние, достигшее уровня преступления за счет иных, отличных от предыдущего правонарушения таких составляющих, как иное психическое отношение лица к новому деянию и иной, по сравнению с административно-правовым деликтом, субъект – специальный субъект преступления.

Таким образом, неоднократность влияет на увеличение степени общественной опасности последующего деяния, что объективно требует иного качественного реагирования на его совершение.

Именно по этому пути в настоящее время идет законодатель, переводя в случае неоднократного совершения преступлений меры государственного реагирования в иную (уголовно-правовую) плоскость.

Однако, на наш взгляд, в случае неоднократного совершения правонарушения ответственность наступает не за первое правонарушение, а за повторное, имеющее уже иное качество. Это новое качество появляется в первую очередь в результате совершения нового правонарушения в иных условиях, чем совершение первого правонарушения, а именно в условиях наличия первого совершенного правонарушения, что повышает его общественную опасность, в том числе за счет субъективной направленности действий виновного, охватывающей и осознание факта неоднократности совершения правонарушения.

Аналогичные позиции в юридической литературе высказывались и ранее. Так, Ч. Ф. Мустафаев полагал, что «при повторном совершении деяния (после административного деликта) содержание умысла выражает более негативное, чем прежде, отношение к охраняемым законом социальным ценностям и таким образом влияет на повышение общественной опасности содеянного в целом, что и является основанием для признания данного деяния преступным, само по себе предыдущее административное правонарушение не входит в состав рассматриваемого преступления» [Мустафаев, Ч. Ф., 1986, с. 7–8].

Косвенным подтверждением того факта, что неоднократность повышает степень общественной опасности деяния, служит и то обстоятельство, что в российское уголовное законодательство было введено понятие рецидива преступлений, а это указывает на повышение опасности именно деяний при неоднократном совершении преступлений.

И еще один, хотя и формальный, аспект, свидетельствующий, по нашему мнению, о целесообразности наличия института неоднократности во всех его проявлениях: как отмечалось выше, понятие неоднократности достаточно широко используется в уголовном законе и практика подтвердила целесообразность наличия рассматриваемого института.

Таким образом, неоднократность в уголовном праве России может быть выражена во многих вариантах: при наличии административного наказания, при его отсутствии, при установлении иных требований к составу преступления. Это означает, что условия формирования составов преступлений, основанных на наличии неоднократности совершения правонарушений, могут изменяться с учетом того, какому фактору

законодатель придает криминообразующее значение. При наличии такого фактора виновный совершает уже не просто новое противоправное деяние, а преступление, поскольку криминообразующий фактор имеет место в объективной действительности, что охватывается и осознанием виновного.

В итоге же данного исследования следует еще раз отметить, что общественная опасность является свойством правонарушения, в том числе преступления, и находит свое отражение во всех элементах деяния, а следовательно, является собирательным, объективно-субъективным свойством. Преступное же от непроступного правонарушения отличается не наличием или отсутствием общественной опасности, а ее степенью, что обуславливается включением в состав деяния дополнительного криминообразующего фактора.

На наш взгляд, указанный подход к определению преступного является принципиальным при определении направлений развития теории и практики уголовного закона.

И еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание. В тех случаях, когда неоднократность правонарушений включает в себя в качестве условия наличие административного наказания, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со ст. 226.9, 316 или 317.7 УПК РФ, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки (ст. 90 УПК РФ). В этом случае можно говорить об административной преюдиции, поскольку указанные решения являются обязательными для правоприменителя.

Но все же обстоятельства, установленные решением (в широком плане) суда, не являются неопровержимыми.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, «фактические обстоятельства, установленные вступившими в законную силу судебными актами, принятыми по делам об административных правонарушениях, как таковые не предопределяют выводы о виновности лица, в отношении которого они были приняты, в совершении предусмотренного данной статьей (ст. 212.1 УК РФ. – А. Б.) преступления, которая должна устанавливаться судом в предусмотренных уголовно-процессуальным законом процедурах исходя из всей совокупности доказательств, включая не исследованные при рассмотрении дел об административных правонарушениях»⁸.

⁸ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2020 г. № 264-О-Р «По ходатайству Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 года № 2-П». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Поэтому мы разделяем позицию А. А. Арямова, утверждающего, что «характеристика специального субъекта преступления по признаку предшествующего привлечения к административной ответственности вполне соответствует форме и содержанию понятия предикация, которым оперируют философия, логика, лингвистика, психология и т. д. А именно: посредством установления связи между субъектом (актантом) и предикатом (наличие у лица непогашенного административного взыскания) формируется препозиция (условие привлечения к уголовной ответственности или усиление таковой); при этом свойства предиката при формировании препозиции подлежат оценке и вполне могут быть подвергнуты ревизии, что не свойственно преюдиции. Таким образом, рассматриваемое правовое явление целесообразно обозначать термином “административная предикация”» [Арямов, А. А., 2021, с. 9].

Этот подход представляется справедливым как в отношении неоднократности, где условием является административное наказание, так и неоднократности, заключающейся в совершении нового деяния, при отсутствии условия административного наказания.

Таким образом, можно утверждать, что институт неоднократности в целом – это институт предиката.

Обсуждение и заключение

Подводя итоги исследования проблемы, можно сформулировать следующие краткие выводы.

1. В российском уголовном праве закреплён институт неоднократности, сущность которого заключается в совершении деяния, внешне схожего с правонарушением (не преступлением), но приобретающего степень общественной опасности преступления за счёт продолжения противоправного поведения и осознания этого виновным, т. е. комплекса объективных и субъективных факторов.

2. Исходя из видов криминообразующих факторов, можно выделить несколько вариантов неоднократности, что позволяет охватить уголовной юрисдикцией необходимые виды противоправного поведения.

3. Понятие неоднократности носит обобщающий характер и включает в себя также такие ее варианты, как повторность и систематичность.

4. Существующий в уголовном праве вариант неоднократности не является тождественным неоднократности преступлений, а представляет собой явление качественного преобразования правонарушений в преступное деяние.

5. Функциями института неоднократности являются криминализация и декриминализация деяний.

6. Наличие института неоднократности не противоречит принципу «не дважды за одно и то же» и не выступает проявлением теории опасного состояния личности.

Список источников

- Арямов А. А. Административная преюдиция в уголовном праве и требования юридической техники // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 3-2. С. 3–12. DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-3-12.
- Безверхов А. Г. Административная преюдиция в уголовном праве России // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права : межвуз. сб. науч. тр. / под общ. ред. А. Г. Безверхова. Самара : Самар. гос. ун-т, 2013. С. 6–19. ISBN: 978-5-86465-582-5.
- Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Харьков : С. Я. Беликов, 1889. 262 с.
- Бухалов В. И. О конституционном признаке «не дважды за одно и то же» // Научные труды / Российская академия юридических наук. Вып. 20. М., 2020. С. 247–251.
- Гегель Г. Наука логики. Т. 1 : Объективная логика / пер. с нем. Б. Г. Столпнера. Dallas, USA : Primedia E-launch LLC, 2017. 540 с. ISBN: 978-1-64008-540-4.
- Григорьева Л. В. Тенденции уголовной политики сквозь призму административной преюдиции в отечественном уголовном праве // Правовая культура. 2022. № 3 (50). С. 20–28.
- Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М. : Изд-во АН СССР, 1948. 311 с.
- Есипов В. В. Личное состояние преступности, как предмет наказания // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1893. Кн. 10 (Декабрь). С. 22–50.
- Зуев В. А. Особенности доказывания по делам о преступлениях с административной преюдицией : лекция. М. : УМЦ при ГУК МВД РФ, 1995. 32 с.
- Ковалев М. И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. М. И. Ковалев. Свердловск : СЮИ, 1982. С. 3–14.
- Крылова Н. Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. М. : Спарк, 1996. 123 с.
- Крюков В. В. Цели уголовного наказания: понятие, виды, механизмы достижения : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 251 с.
- Кузнецова Н. Ф. Цели и механизм реформы Уголовного кодекса // Советское государство и право. 1992. № 6. С. 78–86.
- Курс уголовного права : в 5 т. Т. 1 : Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало-М, 2002. 624 с. ISBN: 5-94373-034-6.

- Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань : Талигмат, 2006. 140 с. ISBN: 5-8399-0147-4.
- Мустафаев Ч. Ф. Административная преюдиция в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Баку, 1986. 203 с.
- Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. М. : Бек, 1996. 560 с.
- Рыбак А. З. Административная преюдиция в уголовном праве // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2015. № 2. С. 116–121.
- Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть Общая. Т. 1. 2-е изд. СПб. : Гос. тип., 1902. 815 с.
- Таюрская Е. А., Габеев С. В. «Неоднократность» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (29 апр. 2016 г.) / гл. ред. П. А. Капустюк, отв. ред. Р. А. Забавко. Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. С. 5–7.
- Уголовное право России. Общая часть : учебник для студентов вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало : Изд-во Моск. ун-та, 2005. 735 с. ISBN: 5-8078-0112-1.
- Фризен П. Д. Административно-правовое предупреждение отдельных видов преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2004. 208 с.
- Чикин Д. С. Преступление с административной преюдицией как вид сложного единичного преступления // Российский следователь. 2012. № 23. С. 17–18.
- Garofalo R. Di un criterio positivo della penalità. Kessinger Publishing, 2010. 96 p. ISBN-10: 1161059644, ISBN-13: 978-1161059649.
- Van Hamel. Report // Bulletin de l'union internationale de droit pénal. 1894. Vol 4. Pp. 266–267.

References

- Aryamov, A. A., 2021. Administrative prejudice in criminal law and requirements of legal technology. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 7(3-2), pp. 3–12. (In Russ.) DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-3-12.12.
- Beccaria, C., 1889. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* = [About crimes and punishments]. Kharkov: S. Ya. Belikov. 262 p. (In Russ.)
- Bezverkhov, A. G., 2013. Administrative prejudice in the criminal law of Russia. In: A. G. Bezverkhov, ed. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava, kriminologii, ugolovno-ispolnitel'nogo prava* = [Actual problems of criminal law, criminology, penal enforcement law]. Interuniversity collection of scientific works. Samara: Samara State University. Pp. 6–19. (In Russ.)

- Bukhalov, V. I., 2020. On the constitutional feature “not twice for the same thing”. In: B. B. Grib, ed. *Nauchnye trudy* = [Scientific works]. The Russian Academy of Legal Sciences. Moscow. Pp. 247–251. (In Russ.) ISBN: 978-5-91835-386-8.
- Chikin, D. S., 2012. [Crime with administrative prejudice as a type of complex single crime]. *Rossiyskij sledovatel'* = [Russian Investigator], 23, pp. 17–18. (In Russ.)
- Durmanov, N. D., 1948. *Ponyatie prestupleniya* = [The concept of crime]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 311 p. (In Russ.)
- Esipov, V. V., 1983. [The personal state of crime as a subject of punishment]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava* = [Journal of Civil and Criminal Law], 10, pp. 22–50. (In Russ.)
- Frisen, P. D., 2004. *Administrativno-pravovoe preduprezhdenie ot del'nykh vidov prestuplenij* = [Administrative and legal prevention of certain types of crimes]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Barnaul. 208 p. (In Russ.)
- Garofalo, R., 2010. Di un criterio positivo della penalità. Kessinger Publishing. 96 p. ISBN-10: 1161059644, ISBN-13: 978-1161059649.
- Grigorieva, L. V., 2022. Trends in criminal policy through the prism of administrative prejudice in domestic criminal law. *The Legal Culture*, 3, pp. 20–28. (In Russ.)
- Hegel, G., 2017. *Nauka logiki* = [The science of logic]. Vol. 1: Objective logic. Transl. from Germ. by B. G. Stolpner. Dallas, USA: Primedia E-launch LLC. 540 p. (In Russ.) ISBN: 978-1-64008-540-4.
- Kovalev, M. I., 1982. [Crime and misconduct]. In: Kovalev, M. I., ed. *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva po ukrepleniyu pravoporyadka i usileniyu bor'by s pravonarusheniyami* = [Problems of legislation on strengthening law and order and strengthening the fight against offenses]. Interuniversity collection of scientific works. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute. Pp. 3–14. (In Russ.)
- Krylova, N. E., 1996. *Osnovnye cherty novogo Ugolovnogo kodeksa Frantsii* = [The main features of the new Criminal Code of France]. Moscow: Spark. 123 p. (In Russ.)
- Kryukov, V. V., 2017. *Tseli ugolovnogo nakazaniya: ponyatie, vidy, mekhanizmy dostizheniya* = [Goals of criminal punishment: concept, types, mechanisms of achievement]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Saratov. 251 p. (In Russ.)
- Kuznetsova, N. F., 1992. [Goals and mechanism of the reform of the Criminal Code]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = [The Soviet State and Law], 6, pp. 78–86 (In Russ.).
- Kuznetsova, N. F., Tyazhkova, I. M., eds., 2002. *Kurs ugolovnogo prava* = [The course of criminal law.]. Vol. 1: General part. The doctrine of crime. Moscow: Zertsalo-M. 624 p. (In Russ.) ISBN: 5-94373-034-6.

- Kuznetsova, N. F., Tyazhkova, I. M., eds., 2005. *Ugolovnoe pravo Rossii* = [Criminal law of Russia]. General part. Textbook for university students. Moscow: Zertsalo. Moscow University Publishing House. 735 p. (In Russ.) ISBN: 5-8078-0112-1.
- Malkov, V. P., 2006. *Mnozhestvennost' prestuplenij: sushchnost', vidy, pravovoe znachenie* = [Multiplicity of crimes: essence, types, legal significance]. Kazan: Taligmat. 140 p. (In Russ.) ISBN: 5-8399-0147-4.
- Mustafaev, Ch. F., 1986. *Administrativnaya preyuditsiya v sovetskom ugolovnom prave* = [Administrative prejudice in Soviet criminal law]. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Baku, 1986. 203 p. (In Russ.)
- Naumov, A. V., 1996. *Rossiyskoe ugolovnoe pravo* = [Russian Criminal Law]. General part. Moscow: Beck. 478 p. (In Russ.)
- Rybak, A. Z., 2015. [Administrative prejudice in criminal law]. *Sovremennye problemy social'no-gumanitarnykh nauk* = [Modern Problems of Social and Humanitarian Sciences], 2, pp. 116–121. (In Russ.)
- Tagantsev, N. S., 1902. *Russkoe ugolovnoe pravo* = [Russian criminal law]. Lectures. Part General. Vol. 1. 2nd ed. St. Petersburg: State Printing House. 815 p. (In Russ.)
- Tayurskaya, E. A., Gabeev, S. V., 2016. ["Repetition" in the Criminal Code of the Russian Federation]. In: P. A. Kapustyuk, R. A. Zabavko, eds. *Ugolovnyj zakon Rossiyskoj Federatsii: problemy pravoprimeneniya i perspektivy sovershenstvovaniya* = [Criminal law of the Russian Federation: problems of law enforcement and prospects for improvement]. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (April 29, 2016). Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Pp. 5–7. (In Russ.)
- Van Hamel, 1894. Report. *Bulletin de l'Union internationale de droit pénal*, 4, pp. 266–267.
- Zuev, V. L., 1995. *Osobennosti dokazyvaniya po delam o prestupleniyakh s administrativnoj preyuditsiej* = [Features of evidence in cases of crimes with administrative prejudice]. Lecture. Moscow: Educational and Methodological Center under the Main Personnel Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 32 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Бриллиантов Александр Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69), заслуженный юрист Российской Федерации.

Alexander V. Brilliantov, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinska-

ya St., Moscow, 117418, Russian Federation), Honored Lawyer of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 28.12.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 27.04.2024.

The article was submitted 28.12.2023; approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 27.04.2024.